Мысина Оксана 22.11.06

ОКСАНА МЫСИНА:

Культура. – 2006. – 16–22 нояб. – С. 16

Состояние беззащитности меня не пугает

О чем ни спросишь Оксану МЫСИНУ – о ее собственном театре или созданном ею музыкальном ансамбле, о недавних гастролях или новых работах на сцене и экране, – об всем она говорит с горящими глазами, с азартом и воодушевлением. Ни приобретенный с годами опыт, ни статус известной актрисы не заглушают в ней этого дара одержимого первооткрывателя, жаждущего погружаться во все новые и новые глубины своей профессии. В этих вечных поисках она все так же безоглядно решительна и бесстрашна, энергична и независима.

– Как настроение, Оксана? Как всегда, боевое?

– Боевое! Я сама себе часто говорю: "Ну остановись, передохни немножко, подумай о вечном!" Нет – опять сплошной водоворот: только приехала с гастролей из Бразилии, сразу окунулась в репетиции нового спектакля. На днях – премьера. Скоро выходит альбом, который мы сделали с моими музыкантами. И всё почти одновременно. Но с другой стороны, смена занятий – это уже отдых. Так что настроение прекрасное.

– В то время, когда многие – и не без оснований – жалуются на всевозможные проблемы, как тебе удается сохранять такой деятельный оптимизм и неиссякаемую трудоспособность?

– Конечно, ты права, с одной стороны, всего в нашей жизни хватает и есть на что жаловаться, но с другой... Мне еще Борис Александрович Львов-Анохин часто повторял: "Долой уныние, уныние – самый большой грех". И я постоянно себе говорю, что никогда не получается все так, как мы хотим. Каждый раз приходится начинать с нуля. И всегда кажется, что ты ничего не знаешь, ничему не научился, что никогда не настанет такой момент, когда почувствуешь, что профессия в твоих руках. Но если ныть и страдать, то вообще ничего не будет, а когда постоянно что-то пытаешься делать, то все само собой откуда-то приходит.

– И когда что-то появляется, ты можешь сама выбирать, поскольку уже многие годы остаешься свободным художником и эта твоя позиция неизменна. Когда ты соглашаешься участвовать в том или ином проекте, что для тебя является главным: материал, режиссер, компания или финансовый интерес, от которого сегодня тоже не отмахнешься?

– Конечно, идеально, когда есть совокупность всех этих составляющих. Особенно если речь идет о кино или телевидении. Важны и сценарий, и личность режиссера, и хорошие партнеры. Например, в конце ноября на первом канале выйдет фильм "Кровавая Мэри". Несмотря на то что название такое страшное, это комедия. Сняла ее Нонна Агаджанова. А моими партнерами были Валерий Гаркалин и Геннадий Хазанов. Общение с ними стало потрясающим откровением. Это был такой легкий профессиональный флирт – очень приятный, озорной и немножко хулиганский. В начале января на экранах должен появиться и фильм Эльдара Александровича Рязанова "Андерсен. Жизнь без любви". Свою работу я, конечно, обсуждать не буду, но, по-моему, все, что сделано в этой картине Рязановым, для всех станет большим открытием.

– При выборе театральных проектов ты тоже в отличие от многих твоих коллег свободна и независима. Это прекрасно, но в то же время тебе приходится отчасти самой выстраивать свою судьбу, ведь спрос и предложение не всегда совпадают. Ты можешь прийти к режиссеру и сказать, что хочешь с ним работать над той или иной ролью?

– Конечно, я и предпринимала такие шаги. К примеру, так было с Камой Гинкасом, с моей работой в спектакле "К.И. из "Преступления". А в этом сезоне я надеюсь сделать спектакль с Алексеем Янковским из Питера и уже учу около пятидесяти страниц текста монопьесы Клима "Девочка и спички".

– Это в будущем. А каковы ближайшие премьеры, кроме уже упомянутой телевизионной?

– Сейчас репетирую пьесу "Либидо" (комедия утраченного) А. Чугунова в постановке Александра Огарева. Я только второй раз участвую в коммерческом проекте. Первый был у Олега Меньшикова – "Кухня" по пьесе М.Курочкина. Кстати, авторы в чем-то похожи. Когда я прочла пьесу, то даже подумала, что это в определенном смысле продолжение того, что делает Максим Курочкин. Александр Чугунов – человек, обожающий театр и как бы пропитанный им. А пьеса его про Адама и Еву наших дней достаточно хулиганская и интересная, она меня как-то сразу зацепила. А потом приятно поразила и репетиция, на которой я присутствовала, наблюдая, как Огарев работает с актерами. Но несмотря на то, что меня все это очень вдохновило, я сначала отказалась, поскольку уезжала на гастроли в Бразилию, а проект уже был в полном разгаре. Я вообще не люблю на полпути входить в какую-то работу, когда люди уже давно репетируют и существуют все вместе в определенной стилистике. Но, поблагодарив и отказавшись, на обратном пути я плакала в машине, потому что мне было в той атмосфере комфортно, весело, интересно и очень хотелось вернуться. Я понимала, что в процессе этих репетиций смогла бы открыть что-то новое, неожиданное в своей профессии. Но получилось так, что мне перезвонили и все-таки предложили приступить к работе сразу после возвращения.

– Все, о чем мы сейчас говорим, – уже реальность, но есть еще и мечты. Я помню, ты мечтала о Гамлете. Есть такой режиссер, к которому ты могла бы прийти с подобным предложением?

– Наверное, есть. Но для того, чтобы прийти к кому-то и сказать: "Хочу репетировать с вами Гамлета", надо иметь смелость и напор моей мамы. Я же еще пока к такому не готова, хотя мечтать, конечно, продолжаю. Но думаю, что если такая ситуация и возникнет, то как-то сама собой. Мне кажется, что, например, Кама Гинкас меня не видит в роли Гамлета.

– А ты бы хотела именно с Гинкасом репетировать Гамлета?

– Конечно, хотела бы, я с Гинкасом все, что угодно, хотела бы репетировать, даже Офелию.

– Можно тогда и тень отца... Однако пока вы объездили уже много стран с вашим "К.И. из "Преступления", и вот недавно была Бразилия. Как воспринимали там Достоевского? К тому же у тебя прямой контакт со зрителями. Как ты с ними общалась, на каком языке?

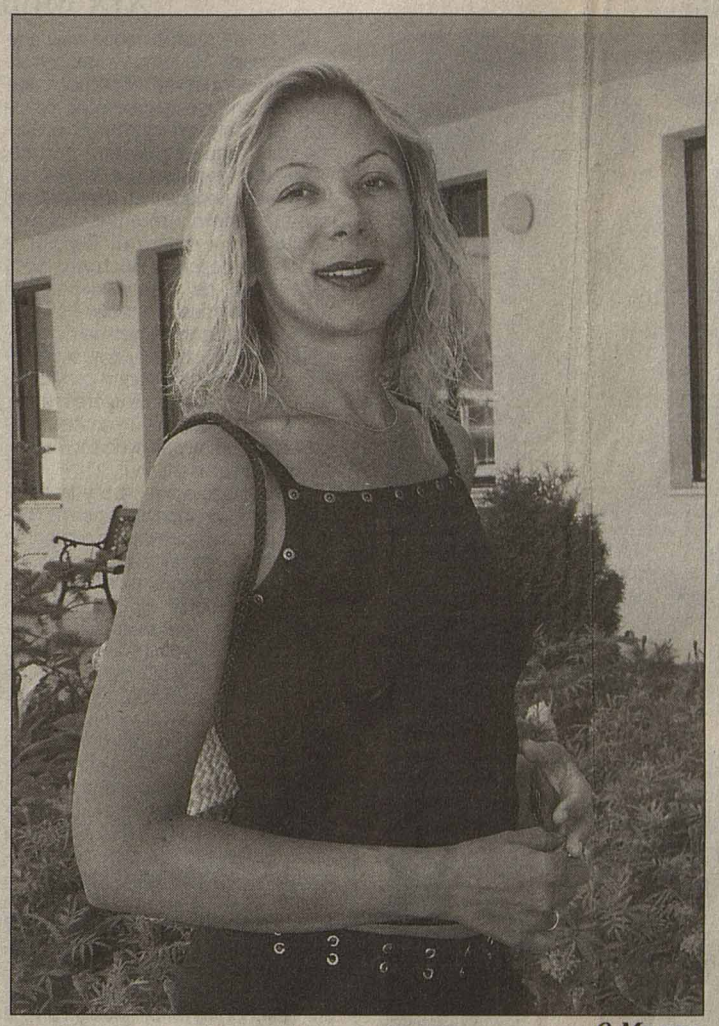
– На португальском. Это были не просто гастроли, а какое-то откровение. Я поначалу жутко боялась, ведь в Бразилии почти не говорят по-английски. И действительно, что же делать? Морочить людям голову, произнося текст на русском языке? Но они же, бедные, ничего не поймут, особенно когда я буду с ними разговаривать. За неделю до гастролей я начала паниковать и в конце концов связалась с живущей там переводчицей, которая работала с другими нашими театрами, выезжавшими в Бразилию. По электронной почте отправила ей тексты, она прислала мне переводы, а потом прямо оттуда по телефону со мной работала. Я выучила примерно пятнадцать – двадцать процентов текста по-португальски. Это потрясающий язык! Просто музыка! Но, когда приехала в Бразилию, оказалось, что все надо переучивать, потому что очень много было литературных оборотов. И опять днями и ночами я работала уже с другой переводчицей. У меня в гостинице весь номер был обвешан бумажками, на которых я крупно написала фразы по-португальски.

– И что же, темпераментные зрители оценили твои старания?

– Зрители просто грандиозные – эмоциональные, открытые! Они очень любят и потрясающе чувствуют театр. По отдаче мне это напомнило Авиньон, когда мы играли там почти десять лет назад.

– Но в Авиньоне все-таки присутствует средневековый дух, и сам город более суровый...

– Сам город – да, но фестивальная публика была очень хулиганская, она жаждала именно театра во всех его проявлениях, не боялась любых поворотов и неожиданностей. А когда мы играли в Бразилии, во время спектакля начался тропический ливень, который забарабанил по крыше. И был такой грохот, молнии, разрывы! Стихия буквально обрушилась на нас! Во втором действии, где обычно бывает полная тишина, вдруг явился этот грандиозный ливень! И я с ним разговаривала, я сквозь него продиралась! А зрители пытались услышать меня через этот грохот! В какой-то момент я просто обессилела, легла на пол и слушала дождь вместе с публикой. И возникла такая пауза, знаешь, так бывает, когда все сходится. Я понимала, что могу еще десять минут лежать, и это будет правильно, потому что так нужно именно в этом спектакле. Потом, счастливая, я встала, и у меня в глазах были и слезы, и радость – все вместе. Я смотрела на зрителей, а они начали аплодировать, потому что без слов поняли то, что происходит. Стихия нас объединила!



О.Мысина

–Ты говоришь о спектакле, который играешь уже двенадцать лет, с таким восторгом, как будто это что-то совершенно новое. Но ведь не всегда в действие вмешивается подобная стихия. А как в Москве удается избежать привыкания к тексту, к мизансценам, чтобы каждый раз выдавать такие страсти?

– Гастроли, конечно, очень помогают. А в Москве, честно говоря, мне играть намного труднее. Ведь сама смена обстановки, другая яркость света, свежее восприятие зрителей – все дает новизну. И после всего этого возвращаться к прежнему очень трудно. Потому после приезда из Бразилии, где казалось, что на площадке царил какой-то праздник, спектакль в Москве был особенно сложным. Там люди приходили, понимая, что они этого больше никогда не увидят. Стояли под зонтиками перед театром только для того, чтобы попасть хотя бы на второе действие, потом сидели на полу. А в Москве, конечно, этого ощущения уже нет. Хотя я русскую публику очень люблю, но надо просто снова адаптироваться к другому восприятию. В Москве уже все знают правила игры, слышали, что я буду всех цеплять и дергать, а потому сидят, закрывшись, и по возможности отсаживаются подальше. Все понимают, что это трагедия, что надо заранее готовиться к какому-то ужасу. А я это все чувствую, вижу, все зрительские эмоции передаются и мне.

– Халтурить ты вообще не умеешь, как не можешь и спокойно относиться к тому, что сегодня сыграла хуже, а завтра лучше. Как же тогда избегать подобных ситуаций, откуда брать силы, в чем искать подпитку?

– Вот, например, на прошлый спектакль пришли мои бывшие партнеры – те, что играли детей в первом составе. Они уже заканчивают институты. Мы посидели, поговорили, попили чай в гримерке. Вот это и была для меня очень большая подпитка. И я понимаю, что от очень тяжелого стресса они меня просто спасли.

– А обычный отдых для тебя подпиткой не является? Часто ли ты отказываешься от какой-то работы, особенно если возникает выбор между театром, кино, телевидением?

– Когда я ставила спектакль как режиссер то, конечно, отказывалась от многого, потому что чувствовала ответственность за людей, за то дело, которое мы делали вместе, – это абсолютно нормально, ведь я была не одна. А вот как актриса я могу, например, неделю просидеть дома, ничего не делая, хотя я себе такого никогда не позволяю. Но само ощущение, что можно избежать постоянной гонки, тоже психологически очень важно. Конечно, хочется сниматься в кино, потому что оно много дает, и прежде всего – заочный контакт с большим числом людей. Театр я обожаю, но в то же время понимаю, что в каком-то смысле это лаборатория, позволяющая все время находиться в тренинге.

– И все-таки у тебя есть свое "Театральное братство Оксаны Мысиной". Для тебя это еще один способ самовыражения или своего рода тыл? Собственное дело для тебя является гарантией некоей стабильности?

– Нет, свой театр – это прежде всего стремление выразить то, что мне интересно. У меня совсем нет желания сесть в окоп, чтобы чувствовать себя защищенной. Состояние беззащитности меня совершенно не пугает. Мы все беззащитны перед всем. И все равно не можем разложить вокруг себя перины и подушки, чтобы все было мягко, надежно и прочно. Да я к этому как раз не стремлюсь. Меня подобное милое времяпрепровождение даже пугает. Правда, в определенный период я хотела получить свое пространство, где можно чертить, рисовать разные сценические картины. Сейчас я не уверена, что хочу этого, потому что понимаю: любое собственное дело тут же потянет за собой множество административных и хозяйственных хлопот. А я не хочу в этом погрязнуть. К тому же Москва – непростой город, и в какую-нибудь темную финансовую историю тоже попадать не хочется.

– Скажи, Оксана, а побывав сама в режиссерской "шкуре", ты как-то иначе стала относиться к работе с режиссерами: больше споришь, предлагаешь свое или, наоборот, внимательнее прислушиваешься, лучше их понимаешь, зная сама, что это такое?

– Я больше наблюдаю за ними. Не просто впитываю как актриса то, что они делают, а вижу, что режиссерская профессия включает в себя и дипломатию, и способность зажечь своей энергией, и умение так заботиться об актере, чтобы он не знал ни о каких внутренних проблемах. Конечно, в нашем общении ничего не изменилось. Я же не сошла с ума – какой я режиссер? Наоборот, я теперь понимаю, что это за титанический труд – собрать спектакль и главное – сделать каждого человека частью общего дела. В любой постановке все взаимосвязано, и если кто-то чувствует себя ненужным, это передается всем. В итоге у спектакля, как у бабочки, стирается пыльца, и он уже не может взлететь, воспарить.

– Да, но и у режиссеров не всегда все получается так, как хотелось бы. А ты можешь уйти из какого-то проекта, если в процессе работы вдруг поймешь, что он не так интересен, как ты сначала предполагала. Или чувство ответственности заставит тебя дойти до конца?

– Я думаю, что в такой ситуации чувство ответственности победит. Ведь если ты во что-то входишь, то уже отвечаешь за это и перед партнерами. Они-то останутся, а кто будет вместо тебя? Я, кстати, не очень понимаю ситуацию, когда режиссер не выходит на поклоны, если спектакль не очень удался. Ведь мы же его сделали вместе, значит, надо вместе делить и горе, и радость! Пусть не все получилось в этот раз, но это наше общее счастье или несчастье! А на выпуске всегда бывают моменты, когда все не нравится: и костюмы, и мизансцены, и, конечно, собственная работа. Мне тоже каждый раз кажется, что хуже этого быть ничего не может. Но Джон (Джон Фридман, муж О.Мысиной, театральный обозреватель "Moscow times". – **М.Г.**) всегда напоминает: "Подожди, ты всегда перед премьерой думаешь, что впереди катастрофа". А потом, и правда, все както само собой приходит в норму и уже оценивается как бы со стороны.

– А от чужого мнения ты зависишь?

– Ты знаешь, что я никогда никого не спрашиваю: "Как вам моя работа? Что получилось, что не получилось?" Если сам кто-то говорит, то хорошо, я за это благодарна. Но, честно говоря, даже сама стараюсь особо не анализировать, потому что и так знаю все подводные камни, понимаю, "из какого сора" выросли эти конкретные "стихи", и с тем, что получилось, уже все равно ничего не сделаешь. Конечно, можно сидеть, страдать или напиться и забыться навсегда, а можно просто перевернуть страницу и пойти дальше. Стараюсь думать, что последнее лучше, потому что не позволяет жить вчерашним днем и приобретать лишние синяки под глазами. Конечно, где-то внутри переживания остаются – я же живой человек. Но стараюсь как можно скорее из этого выбираться, потому что, к сожалению, при моем характере, если я только начну себя критиковать и уничтожать, то дойду до такой крайней точки, что весь дом будет сотрясаться, и уже всем будет плохо.

– Оксана, а тебя узнают на улице? Ведь и в своих ролях ты абсолютно разная, а в жизни совсем другая.

– Иногда да, а иногда нет. Особенно начинают узнавать, когда идет какой-нибудь сериал. Очень часто просто здороваются, улыбаются. А бывает, что вдруг судорожно начинают вспоминать, где мы встречались: то ли вместе учились, то ли работали. Не думаю, что многие воспринимают меня именно как Оксану Мысину. Скорее, знают мое лицо, но не всегда понимают, с чем это связать.

– А от желтой прессы страдаешь? Касается тебя как-то это сегодняшнее бедствие, приходится читать о себе небылицы?

– Нет, я сама и не покупаю, и не читаю все это. Хотя иногда рассказывают, что в очередной раз сообщили, будто я навсегда уехала в Америку.

– Кстати, сейчас некоторые наши актеры более или менее успешно работают и в Америке, и в Европе. Тебе как будто сам бог велел хотя бы попытаться: и ездите вы с Джоном в Америку достаточно регулярно, и культуру эту ты знаешь, возможно, лучше других. Не было желания хотя бы попробовать? Или нет у тебя этой современной пробойности, а может быть, просто нет инереса?

– Не знаю. Нет, конечно, мне было бы интересно и попробоваться, и, естественно, что-то сделать. Но в Америке все очень сложно. Надо иметь американского агента, рабочую визу. Возможно, это моя безалаберность, и надо поставить себе такую цель. Но для этого придется все отложить, не заниматься работой здесь, а просто искать какие-то пути, чтобы войти в эту систему. Но знаешь, я недавно разговаривала с Витей Сухоруковым, и он мне рассказал про огромную книгу, которую видел в Америке, где на папиросной бумаге, на тысячах страниц – фотографии актеров, ждущих работы. И он тоже тогда себе сказал: "Витя, какой ты счастливый, тебя здесь снимают, ты работаешь! А там такие красавцы несусветные стоят в очереди!" Вот и я думаю: ну зачем становиться в один ряд с людьми, которые там выросли, говорят на родном языке? Если что-то подобное и произойдет, то благодаря тому, что меня кто-то увидит здесь и я понравлюсь такая, какая я есть. А вставать там в очередь не хочу.

– В работе ты по-прежнему легка на подъем. А в жизни? Если, конечно, вдруг появляется время, можешь сорваться, поехать куда-нибудь путешествовать?

– Могу. Например, в прошлом году мы с Джоном перед Новым годом первый раз съездили в Египет. Это удивительное место. Мне там снились очень интересные сны. Все мои любимые режиссеры, которых уже со мной нет, приходили ко мне в этих снах: Борис Александрович Львов-Анохин, Олег Николаевич Ефремов... Так что это было еще и некое мистическое путешествие. Хотя вообще я человек не мистический, но тут были какие-то вещие сны. А я очень доверяю снам, потому что мне кажется, что для творческого человека они чрезвычайно важны. Это своего рода продолжение дневного творческого существования. И вот эта пьеса – "Либидо", которую мы сейчас репетируем, тоже о том, что подсознание переходит в сны, где раскрывается наша внутренняя жизнь. А автор, Александр Чугунов, рассказывал, что создал собственную методику для запоминания снов и черпает из них разные образы и идеи.

– И все-таки сны – это уже другая реальность, а в обычной жизни что прежде всего дает тебе возможность противостоять тому, что мешает?

– Может быть, это звучит банально, но в первую очередь – люди, которые меня окружают. Это правда. Мои музыканты, мои актеры, которые стали мне очень близки. Меня внутренне греет, что есть возможность окунуться в общение с ними, в наши творческие разговоры и поиски. И даже если я их бросаю на какое-то время, чтобы сделать свою актерскую работу, все равно радует ощущение, что есть люди, с которыми я уже многое прошла. Помогает и то, что в машине можно поставить музыку, которую мы сейчас играем с ребятами. А ты же знаешь, что я всегда мечтала петь...

– В театре так никто и не предлагает, не видит тебя в этом ракурсе?

– Может быть, сейчас мы с тобой поговорим, и сразу все всё увидят. Правда, у меня нет такого ощущения, что кто-то меня не видит. К тому же музыкальные спектакли – это сегодня в основном мюзиклы. А я их не люблю, это не мой жанр, не та музыка, которая мне интересна. Мне нравится то, что мы сами делаем, сами придумываем. В основном пишут мои музыканты. Я, естественно, принимаю в этом участие со своей скрипкой. Но больше пишу тексты. А потом мы играем по клубам.

– Руководя двумя коллективами, ты чувствуешь себя начальником? Ведь людей надо как-то организовывать, заставлять что-то делать? Или у тебя своя метода?

– Начальник – страшное слово. Это тот, кто учит жить, кто диктует и командует. Я делаю все для того, чтобы никто не заметил, что я начальник.

Беседу вела
Марина ГАЕВСКАЯ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ